

ОТЗЫВ

официального оппонента

о диссертации Туфановой Ольги Александровны «Древнерусские письменные памятники о Смутном времени как художественный феномен», представленной в Диссертационный Совет Д 002.209.02 при Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература

Комплекс произведений литературы первых трех десятилетий XVII века, известный в науке как книжность Смутного времени, достаточно хорошо изучен историками, но мало освоен литературоведами. В работах историков и теоретиков литературы Д. С. Лихачева, А. С. Демина, Н. И. Прокофьева, Е. К. Ромодановской, Л. В. Титовой, О. А. Державиной, Я. Г. Солодкина, Д. И. Антонова, И. О. Тюменцева, М. А. Коротченко, Н. В. Трофимовой анализировались отдельные произведения о Смуте. Лучшим обобщающим литературоведческим трудом по этой теме остается монографическая глава, посвященная словесности Смутного времени, опубликованная во втором томе десятитомной «Истории русской литературы» 1948 года. Она была написана классиками отечественной медиевистики В. П. Адриановой-Перетц, Д. С. Лихачевым, М. О. Скрипилем, С. К. Шамбинаго, Н. Н. Ворониным, И. П. Ереминым. В этой работе достаточно отчетливо проявились традиции социологизма, характерные для литературоведения советского времени, что негативно повлияло на анализ поэтики и эстетики художественных и публицистических произведений.

Работ обобщающего характера о литературе и публицистике Смутного времени во второй половине XX–XXI веке создано не было. Этот пробел ликвидировала монография О. А. Туфановой «Древнерусская литература о Смутном времени как художественный феномен» (М., 2019) и докторская диссертация «Древнерусские письменные памятники о Смутном времени как художественный феномен» (М., 2020).

Автор диссертации определила основные цели научного исследования. Во-первых, дать характеристику литературным памятникам начала XVII века как циклу, во-вторых, выявить основные черты эстетики и поэтики комплекса историко-литературных произведений эпохи русской Смуты.

В анализируемой работе представлен широкий и разноплановый круг источников. В поле зрения О. А. Туфановой находится три десятка русских и иностранных сочинений о Смутном времени. Это повести, сказания, летописи, хронографы, записки, мемуары, хроники, жития, видения, чудеса, слова, послания, поучения, грамоты и т. п. Многие произведения представляют собой объемные книги, такие как «Временник» Ивана Тимофеева, «Сказание» Авраамия Палицына. Широта источниковедческой базы делает выводы диссертации научно убедительными и обоснованными.

В докторской диссертации материал расположен не по произведениям, а по проблемам: проблема циклизации, специфики историко-литературного процесса, особенности системы образов и сюжетики, характера хронотопа, своеобразия символики и т. п. Этот методический прием позволил О. А. Туфановой глубоко и всесторонне охарактеризовать основные направления в изучении этого вопроса. Методика исследования сочинений эпохи Смуты, предложенная диссертанткой, важна для обоснования специфики русской литературы переходных периодов, которых было много в истории России и ее письменной культуры.

Словесность первой трети XVII столетия характеризовалась ярко выраженным публицистическим началом, потому что для многих писателей этого времени злободневные проблемы современности были важнее художественного совершенства произведений. Книжность приобрела агитационный характер, разъясняла читателям суть происходящих событий при царском дворе, в верхах общества, церковных кругах, армейских полках, народной среде. Писатели откликались на все важнейшие происшествия, отражали запросы времени, высказывали мнения различных политических кругов, принимавших участие в политической борьбе.

О. А. Туфанова справедливо утверждает, что книжность XVII века напрямую связана с тенденциями переходного периода от средневековой литературы к литературе Нового времени. Эта идея не нова. Еще академик А. С. Орлов завершал древнерусскую литературу шестнадцатым веком. Авторы известной «Истории русской литературы XVII–XVIII веков» (М., 1969) А. С. Елеонская, О. В. Орлов, Н. Ю. Сидорова, С. Ф. Терехов, В. И. Федоров, ссылаясь на мнение В. И. Ленина, считавшего «бунташное» столетие «новым периодом русской истории», выделили этот этап в качестве переходного от Средневековья к Новому времени. Как и в любой литературе переходного периода, в русской словесности от Бориса Годунова до Петра Великого сталкивались, боролись, противостояли старое и новое, европейское и русское, православное и иноверное. По мнению автора диссертации, истоки новаций переходного периода следует искать в литературе эпохи Смуты, которая характеризовалась парадоксальностью, амбивалентностью, нетрадиционностью изображения людей и событий, что заставляло книжников обращаться к поискам особой, новой, необычной формы художественно-публицистических произведений.

Исследователи истории и литературоведы, изучавшие произведения о Смуте, неоднократно указывали на наличие в них сложного и противоречивого идейно-тематического комплекса, причем единства мнений не наблюдалось. О. А. Туфанова, проанализировав социально-политические, религиозно-философские, нравственно-этические представления писателей первой трети XVII века, пришла к выводу, что можно выделить главные темы и идеи, объединяющие произведения о Смуте в макроцикл: это идеи богоустановленности царской власти, почитания православной веры и русской церкви, Божьего «батоба», приводящего правителей и народ к

усмирению «от буйства», роковой вины царей и преступлений самозванцев, трагического ощущения безысходности и неизбывного греха всех сословий, надежды на покаяние народа.

В диссертации О. А. Туфанова размышляет об истории многовековой борьбы католического Запада и православного Северо-Востока Европы. Продолжением этой религиозно-идеологической борьбы стали события Смутного времени, в которых, пользуясь ослаблением московской централизованной власти, приняли участие Польша, Литва и Швеция, оккупировавшие русские территории. Автор диссертации весьма тактично упоминает об участии в интервенции запорожского войска, которое около года осаждало центр мирового православия, богатый Троице-Сергиев монастырь. Православные по вероисповеданию запорожцы видели в войне источник благосостояния, поэтому проявили агрессию по отношению к соседним народам. Сечевикам было все равно, кого грабить: католиков, протестантов, мусульман, православных, о чем сообщало «Сказание» Авраамия Палицына. В связи с этим в диссертации О. А. Туфановой приведен перечень городов-преступников Северной земли, называемых в «Ином сказании» «городами-блудницами» и «русским Вавилоном». Примером города-предателя стал небольшой городок Кромы, упоминаемый в бытующей до сих пор поговорке «Орел да Кромы — первые воры». В этом «неправильном» и «неправедном» городе держал ставку «еретического войска» казачий атаман Гришка Корела.

В словесности Смутного времени меняется отношение книжников к социальной действительности, специфике сословного общества, роли низов и верхов в государстве. Публицисты реже пишут о влиянии «Божественной воли», воздействии «святого промысла», игре «демонических сил», а чаще объясняют события истории «добрыми» или «злыми» человеческими поступками, причем не только власть предержащих, но и «злоумышлявших» на русский престол самозванцев. В литературе этого периода человек перестает быть абстрагированным святым или великим грешником, приобретает конкретные личностные черты. Происходит открытие внесословной ценности человеческой личности, которая изображается как сложная, противоречивая, необычная натура.

О. А. Туфанова развивает и обосновывает мысль об обмирщении культового искусства и литературы в эпоху Смуты. Основу всего корпуса произведений словесности этого времени составляют светские сочинения. Даже писатели-монахи, например, келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын, создавали мирские в своей основе произведения.

В это время происходит резкое расширение писательского состава и стремительное увеличение книжной продукции. Литературным трудом занялись представители разных слоев общества, от патриархов до жителей городского посада. Появление большого количества книжников, не прошедших школу монастырского скриптория, разрушало иерархизм и каноничность древнерусской литературы.

Смутное время породило внесловную активность людей, которые не только брались за оружие, но и пытались отстаивать свои интересы с помощью письменного слова. Древнерусская книжность, процветавшая в раннем Средневековье в тиши монастырей, в «бунташный век» выплеснулась на улицы, площади, торговые ряды, в подьяческие приказы и стрелецкие слободы. Возвания, обращения, подметные письма, видения, чудеса стали оружием, с помощью которого различные политические группировки боролись за умы своих сторонников. Например, Лжедмитрий I, проигравший большинство битв царским войскам, взшел на московский престол благодаря подметным письмам и умелой агитации его сторонников, сумевших убедить общество в истинности его царского происхождения и грядущих благодеяниях всем, пострадавшим во время правления царя Бориса Годунова.

Распространению произведений о Смуте, считает О. А. Туфанова, способствовало «бесцензурное время», когда жесткий контроль правительства и церкви ушел в прошлое. Писать и пропагандировать сочинения стало относительно безопасно, тем более что многие возвания были безымянными. Внелитературные факторы не влияли на книжников, которые могли довольно свободно осмыслять и правдиво описывать события, происходившие в России.

Много внимания О. А. Туфанова уделила проблемам эстетики и поэтики литературы начала XVII столетия. Трансформация мировоззрения, активно проходившая в эпоху Смуты, отразилась на жанрах беллетристики и публицистики, в которых начали преобладать светские формы. Д. С. Лихачев, характеризуя литературу «бунташного» века, писал, что она была «пестра в жанровом отношении». Все жанры четко поделались на традиционные (исторические повести, агиографические сочинения, хронографы, летописи) и новые, зародившиеся как первичные формы в недрах объединяющих жанров, но в XVII столетии обретшие самостоятельность и популярность (видение, плач, новелла и т. п.). Особенно наглядно это проявилось в анализе Туфановой псковской летописной повести «О бедах и скорбех и напастех...». Автор диссертации обнаружила в произведении черты повести о княжеских преступлениях, повести о злодействах царя, литературной новеллы, новеллистической сказки. На смену исторической повести приходит новый жанр исторического повествования, в котором обнаруживаются беллетристические, публицистические, фольклорные традиции.

Привычный взгляд на ломку жанровой системы средневековой литературы связан с началом XVIII века, петровским временем, экономическими, церковными, культурными реформами царя-преобразователя, доминированием светского мировоззрения, мощным западным влиянием. О. А. Туфанова убедительно доказала, что трансформация жанров Средневековья начинается уже в эпоху Смуты. Этот процесс наиболее последовательно проявился в древнерусской исторической

повести, в которой шло разрушение традиционных жанровых канонов и поиск новаторских форм рассказа о важных исторических событиях, потрясших устои русской государственности.

Продуктивными и научно обоснованными выглядят размышления О. А. Туфановой о системе образов литературы эпохи Смуты. Среди царствующих и властвующих особ единственно подлинным народным героем становится князь М. В. Скопин-Шуйский. Все остальные персонажи, в том числе самодержцы и полководцы, не являются идеальными людьми без страха и упрека. Туфанова в числе первых литературоведов заговорила о дегероизации и депоэтизации известных деятелей русской истории.

Автор диссертации обратила внимание на такой коллективный персонаж, как «народ», определивший, в конечном итоге, судьбу России. Первым это понял познакомившийся с литературой о Смуте А. С. Пушкин, который в трагедии «Борис Годунов» в список действующих лиц ввел такого персонажа, как «народ».

Авторы произведений о Смутном времени при создании образов царей широко использовали символику. Появляются образы «кровоядного лвчища» Гришки Отрепьева и «древнего змия-дьявола» Бориса Годунова. При изображении исторических деятелей, занимавших российский престол, книжникам приходилось выбирать между «плохим» и «очень плохим» царем, которые пролили «реки неповинных христианских крови».

Писатели XVII столетия, традиционно сравнивая деятелей русской истории с библейскими персонажами, в то же время охотно использовали новаторские приемы изображения людей. Особый интерес представляет образ инорога, которому уподоблялись русские цари и полководцы Иван Грозный, его сын Иван Иванович, царь Федор Иоаннович, князь М. В. Скопин-Шуйский. Этот символический персонаж пришел в русскую культуру из физиологов и отечественного фольклора. «Голубиная книга» считала инорога царем над всем животным миром: «Инорог-зверь — всем зверям зверь». На Руси это животное считалось символом силы и духовной чистоты. Называя отечественных самодержцев «инорогами», книжники подчеркивали, что власть должна быть мудрой и нравственно безупречной.

Иную, неожиданную негативную оценку получил образ льва. В раннем христианстве лев был положительным персонажем и отождествлялся с евангелистом Марком. В византийской традиции царь зверей был символом силы, мужества и бесстрашия; пять византийских императоров носили это имя. На гербе Кантакузенов, одной из династий императорского рода, красовались сразу два льва. В Смутное время царь природы стал знаком самозванцев. Дурному отношению к этому символу в России способствовал этнический соперник — Швеция, всегда изображавшаяся в образе льва. Тринадцать римских пап получили при интронизации имя Лев. В эпоху борьбы с римско-католической экспансией и польско-литовско-шведской оккупацией это политизированное имя приобрело отрицательный оттенок, который переносился на символический образ зверя.

В разделе диссертации «Политический мифологизм рассказов о чудесах в “Рукописи Филарета”» изучаются способы создания «чистой» биографии царя Василия Шуйского, пришедшего к власти с помощью интриг, заговоров и предательств. Пытаясь обелить нового самодержца, очистить его образ от негативных черт, автор использовал традиционные приемы житийной сакрализации. Так в литературе появился политический мифологизм, ставший характерным явлением политтехнологий Нового времени.

Средневековая литература знала лишь два типа женщин — святые и блудницы. В агиографии известны имена княгини Ольги, Евфросинии Суздальской, Евфросинии Полоцкой, Февронии Муромской, образы которых создавались на основе политической легенды или фольклорной сказки. В XVII столетии появляется новый тип героя, это женщина — приближенная к власти, но не оказывающая влияния на политику. Дьяк Иван Тимофеев создал психологизированные портреты цариц, жен Ивана Грозного Анастасии Романовой и Марии Нагой, царицы Ирины Годуновой, дочери Бориса Годунова царевны Ксении. Книжник откровенно печалился и скорбел о судьбах цариц и царевен, ставших несчастными заложницами и жертвами политической борьбы. Особое сочувствие и уважением к ним вызвано тем, они были русскими по национальности и православными по вероисповеданию. Их антипод — Марина Мнишек, полячка и католичка, принявшая православие, но оставшаяся враждебной к России, русскому народу, его вере и обычаям.

В диссертации много внимания уделено урбанистической теме. Средневековые книжники, жившие в русских и зарубежных городах, писали о системе оборонительных сооружений, дворцах, площадях, базарах, храмах, парках, водоснабжении, жизни и быте мещан. О. А. Туфанова в главе «Трагедия городов как трагедия людей» предложила новую трактовку литературной урбанистики. Для автора диссертации город не столько административный, военный, экономический центр, сколько знаковое явление в истории мировой цивилизации и отдельно взятой страны. У писателей эпохи Смуты было две традиции изображения русской столицы: с уважением, любовью, сочувствием, как у отечественных патриотов-книжников, и злорадно, издевательски, глумливо, как у иноземцев типа Э. Геркмана и К. Буссова. Богатую и славную Москву, «второй Иерусалим», «Третий Рим» захватили самозванцы, оккупировали литовцы и поляки. Мать городов русских следовало освободить от католиков, осквернителей православия. Это была одна из главных идей литературы Смутного времени. Иван Тимофеев во «Временнике» очеловечил древний город, писал о Великом Новгороде как об историческом лице. Для дьяка судьба города оказывалась не менее важной, чем история жизни русских царей и противостоящих им нечестивых самозванцев.

В диссертации О. А. Туфановой сделано важное для современной текстологии открытие. Изучив сочинение «О царском избрании на

Московское государство и о бедах и скорбех и напастех», публиковавшийся как единый комплекс, она убедительно доказала, что это два самостоятельных произведения, которые в Средневековье при переписке книжники механически соединили.

Вопросы, возникшие при чтении диссертации, имеют частный характер и на общую концепцию исследования не влияют.

- В разделе диссертации «Политический мифологизм рассказов о чудесах в “Рукописи Филарета”» анализируется чудо обретения нетленных мощей царевича Дмитрия. Многие современники Смуты писали об убийстве младшего сына Ивана Грозного, в частности, этой теме посвящено Житие царевича князя Дмитрия Ивановича, Угличского и всея России чудотворца, включенное в «Минеи четьи» Германа Тулупова. Однако, к сожалению, специфика этого житийного текста не получила подробного рассмотрения в исследовании.
- Стремление авторов первой трети XVII века запечатлеть «богонаказательные» события, не разбирая, как писал дьяк Иван Тимофеев, «малая с великим», приводит к дегероизации и депозитизации исторических лиц, что было показано в диссертации О. А. Туфановой на примере Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского. Между тем желательно было бы уточнить, используются ли эти приемы при изображении других деятелей Смуты.
- В диссертации используются термины «натурализм» и «реализм». Терминологию литературы Нового времени не всегда можно использовать при анализе теоретических проблем древнерусской литературы. Следует напомнить об известной полемике конца 50-х – 60-х годов XX века о наличии или отсутствии реализма в древнерусской словесности, которая давно закрыла этот вопрос.

В заключение хотелось бы отметить, что высказанные замечания имеют частный характер и не умаляют значимость и научную ценность диссертации. Исследование О. А. Туфановой, кроме теоретического, имеет важное практическое значение. Без учета сведений, изложенных в докторской диссертации и монографии, невозможно изучение и издание памятников письменности Смутного времени. Эта работа может служить реальным комментарием к текстам литературных и публицистических сочинений первой трети XVII века.

Автореферат полностью соответствует содержанию диссертации, основные положения, выносимые на защиту, отражены в опубликованных монографии и статьях. Список публикаций и научных конференций, в которых принимала участие О. А. Туфанова, свидетельствуют о том, что диссертационное исследование прошло всестороннюю апробацию.

Представленная к защите диссертация О. А. Туфановой «Древнерусские письменные памятники о Смутном времени как

художественный феномен» соответствует специальности 10.01.01 – Русская литература и отвечает критериям, установленным Положением о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ № 842 от 24.09.2013 г. (пп. 9, 10, 11, 13, 14), и ее автор Ольга Александровна Туфанова заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Доктор филологических наук,
профессор кафедры мировой литературы
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Государственный институт русского языка
им. А. С. Пушкина»,
специальность 10.01.01. – Русская литература

С.Травя

Сергей Николаевич Травников

141254 Московская область,
г. Пушкино, м-н Заветы Ильича,
ул. Полярная, д. 2
Тел.: 8-903-259-79-45

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Государственный институт русского языка
им. А. С. Пушкина»
117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, 6
Тел.: +7(495) 330-88-01
E-mail: inbox@pushkin.institute

Подпись руки *Травникова Сергей Николаевича*
ЗАВЕЛЯЮ: *Ведущий специалист по кадрам*
ОТДЕЛ КАДРОВ: *Кудрявцева Анастасия Владимировна*

Сведения об официальном оппоненте

по диссертации Туфановой Ольги Александровны
«Древнерусские письменные памятники о Смутном времени как художественный феномен» на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01– Русская литература

Фамилия, имя, отчество	Травников Сергей Николаевич
Гражданство	Российская Федерация
Ученая степень	Доктор филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература
Ученое звание	Профессор кафедры мировой литературы
Основное место работы:	
Почтовый индекс, адрес, веб-сайт, электронный адрес организации	117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, 6 Тел.: +7(495) 330-88-01 E-mail: inbox@pushkin.institute
Полное наименование организации в соответствии с уставом	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина»
Наименование подразделения	Кафедра мировой литературы
Должность	Профессор
Публикации по специальности 10.01.01 – Русская литература за последние пять лет	
1. «А еже где что выдѣхъ своима очима, вся сия написахъ...» (мир природы в «Пелгримации» // Вестник славянских культур. 2015. № 3 (37). С. 113–128.	
2. Особенности изображения времени в «Пелгримации» Ипполита Вишенского // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2016. № 3 (742). С. 113–128.	
3. Легендарные вариации в паломнических путевых записках Петровского времени // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2016. № 4 (53). С. 74–86. (в соавторстве – Л. А. Ольшевская, А. А. Решетова)	
4. «И шли горами каменными и ярами глубокими, тилко небо да земля...»: особенности изображения пространства в «Пелгримации» Ипполита Вишенского // Вестник славянских культур. 2017. Т. 43. С. 121–133.	
5. Легендарные вариации в паломнических путевых записках Петровского времени // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2017. № 1 (54). С. 96–111. (в соавторстве – Л. А. Ольшевская, А. А. Решетова)	
6. Екатерина II и Екатерина Дашкова: судьбы женщин эпохи русского Просвещения // Русский язык за рубежом. 2018. № 5 (270). С. 118–122.	
7. «И к былям небылиц без счету прилагал...». Западноевропейские традиции и национально-самобытная трактовка образа лжеца в одноименной стихотворной сказке-новелле И. А. Крылова (К 250-летию И. А. Крылова) // Русский язык за рубежом. 2019. № 5. С. 105–113. (в соавторстве – Е. Г. Июльская, Е. К. Петривняя)	
8. «Случилось тут Мухе быть...». Античные, западноевропейские и русские источники индивидуально-авторской интерпретации образа Мухи в баснях И. А. Крылова //	

Русская словесность. 2019. № 4. С. 32–39. (в соавторстве – Е. Г. Июльская, Е. К. Петровна)

9. История древнерусской литературы. Учебник. М.: Юрайт, 2019. 2-е изд., перераб. и доп. 33,02 п.л. / 16, 51 п.л. (в соавторстве – Л. А. Ольшевская)

10. Пелгримация, или Путешественник Ипполита Вишенского. 1707–1709 (публикация текста памятника и исследование). М.: Наука, 2019 (сер. «Литературные памятники»). 33,9 п.л. / 16,95 п.л. (в соавторстве – Л. А. Ольшевская)

Доктор филологических наук,
профессор кафедры мировой литературы
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Государственный институт русского языка
им. А. С. Пушкина»

С. Н. Травников

С. Н. Травников

Подпись руки *Травникова Сергея Николаевича*
ЗАВЕРЯЮ: *Ведущий специалист по кадрам*
ОТДЕЛ КАДРОВ: *Ведеева Анастасия Владимировна*

